

Гарольд Лассуэлл

ПОЛИТИКА

Кому достается
что, когда и как

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

Гарольд Дуайт Лассуэлл

Политика: кому достаётся что, когда и как

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73756178

Г. Лассуэлл. Политика: кому достаётся что, когда и как:

Издательство Института Гайдара; Москва; 2026

ISBN 978-5-93255-704-4

Аннотация

Эта классическая работа политолога Гарольда Лассуэлла (1902-1978), впервые опубликованная в 1936 году, представляет одно из наиболее влиятельных и емких определений политики как сферы социальной жизни. Лассуэлл одним из первых предложил безжалостно прагматичный взгляд на власть, сместив фокус с нормативных идеалов на беспощадную борьбу за распределение ключевых ценностей: безопасности, доходов и почета. В своей работе он раскрывает полный арсенал средств, которые элиты используют для удержания контроля. Лассуэлл детально анализирует, как работают пропаганда, манипуляция символами, экономическое давление и насилие, превращая политический процесс в управляемую технологию. Его знаменитая формула — «кому достаётся что, когда и как» — становится универсальным

методом для вскрытия подлинных интересов, стоящих за любыми политическими действиями.

Написанная ясным и доступным языком, книга дает читателю универсальную оптику для анализа власти в любых ее проявлениях – от государственных институтов до корпоративных иерархий. Работа Лассуэлла до сих пор остается незаменимым инструментом для каждого, кто хочет видеть скрытые пружины современного общества.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Гарольд Лассуэлл; автор «Политики»	6
От переводчика	23
Предисловие	30
Часть I. Элита	33
Глава 1. Элита	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Гарольд Лассуэлл

Политика: кому

достаётся что, когда и как

Harold D. Lasswell

Politics. Who Gets What, When, How

© Издательство Института Гайдара, 2026

* * *

Гарольд Лассуэлл; автор «Политики»

Имя Гарольда Дуайта Лассуэлла (1902–1978) то ли относительно хорошо знакомо отечественному читателю, то ли относительно плохо. Поскольку речь идет, без преувеличения, об одном из отцов-основателей (американской) политической науки, можно было бы ожидать, что его имя будет по крайней мере на слуху. В целом, наверное, так оно и есть. Оно на слуху. В России про него защитили несколько диссертаций. Например, одну еще в 1988 году в Институте философии РАН¹, другую – в 1999 году в МГУ им. М. В. Ломоносова². Про Лассуэлла есть статья в «Новой философской энциклопедии»³. Тем самым в оптике отечественного гуманитарного знания он заслужил почетное место не только в области политической науки, но даже и в философии. Также есть несколько переводов книг и эссе Лассуэлла – например,

¹ А. Л. Алюшин, *Проблема личности в политической философии Г. Лассуэлла: критический анализ*. Автореферат дис... кандидата философских наук (Москва, 1988).

² Н. В. Короткова, *Концепция политической власти Г. Д. Лассуэлла*. Автореферат дис... кандидата политических наук (Москва, 1999).

³ В. Н. Порус, «Лассуэлл», в: *Новая философская энциклопедия*, в 4 т., под ред. В. С. Стёпина, 2-е изд., испр. и доп. (Москва: Мысль, 2010). URL: <https://iphras.ru/elib/1628.html> (дата обращения: 27.10.2025).

классического текста «Техника пропаганды в мировой войне» и несколько статей, включая знаменитое эссе «Гарнизонное государство»⁴. Достаточно ли всего этого, чтобы нам составить о Лассуэлле верное представление? К сожалению, едва ли.

Но проблема не в том, что про Лассуэлла у нас мало написано. Дело в том, что и не у нас про Лассуэлла написано мало и много одновременно. Возьмем, например, проект Cambridge Elements, выпускаемый Cambridge University Press. В Cambridge Elements есть множество подсерий, где представлены небольшие, но насыщенные монографии, фактически брошюры, публикуемые в цифровом формате. Скажем, в подсерии Cambridge Elements in Politics and Communication из восьми изданных монографий нет ни одной, которая была бы посвящена Гарольду Лассуэлле. Можно было бы ожидать, что в монографии «История политической науки» 2022 года, вышедшей в серии Cambridge Elements in Historical Theory and Practice⁵, к Лассуэлле отне-

⁴ Г. Д. Лассуэлл, *Психопатология и политика*, пер. с англ. Т. Н. Самсоновой, Н. В. Коротковой (Москва: Издательство РАГС, 2005); Г. Д. Лассуэлл, *Техника пропаганды в мировой войне*, пер. с англ. В. Г. Николаева (Москва: ИНИОН РАН, 2021); Г. Д. Лассуэлл, «Гарнизонное государство», пер. с англ. В. Г. Николаева, в: *Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы): сборник переводов*, под ред. Д. В. Ефременко (Москва: ИНИОН РАН, 2023).

⁵ M. Bevir, *A History of Political Science* (Cambridge: Cambridge University Press, 2022).

сутся с большим уважением⁶. Тем не менее его имя в книге упомянуто единожды. Зато книга «Прагматизм и истоки прикладных политических наук: переоткрывая Лассуэлла и Чикагскую школу» 2019 года, изданная в серии Cambridge Elements in Public Policy⁷, фактически целиком про Лассуэлла.

Проблема в том, что до конца не ясно, как писать про Лассуэлла, чтобы представить эту личность адекватно его вкладу в науку и последующему влиянию. Вы можете удивиться, как же это можно ставить под сомнение влияние Гарольда Лассуэлла? А вот так. Через два года после смерти Лассуэлла Дуэйн Марвик с сожалением отметил, что «...тщательно выстроенный концептуальный аппарат Лассуэлла по-прежнему в значительной степени игнорируется»⁸. Кто такой, в конце концов, Лассуэлл? Это основатель политической науки (Political Science)? Или, может быть, его лучше всего описать как основателя «политической коммуникации» и специалиста по пропаганде? Или, возможно, еще лучше переописать

⁶ Достойное место в истории политической теории Гарольду Лассуэлли отвел Джон Ганнелл. Его книга, посвященная данной теме, до сих пор остается важным источником для всех, кто хотел бы понять историю политической теории в США. См.: J. G. Gunnell, *The Descent of Political Theory: The Genealogy of an American Vocation* (Chicago: University of Chicago Press, 1993).

⁷ W. N. Dunn, *Pragmatism and the Origins of the Policy Sciences* (Cambridge: Cambridge University Press, 2019).

⁸ D. Marvick, "The Work of Harold D. Lasswell: His Approach, Concerns, and Influence", *Political Behavior*, Vol. 2, No. 3 (1980), p. 220.

его как политического психолога? Вероятно, его можно было бы представить совсем оригинальным автором – выдающимся «политическим урбанистом». Например, в заключительной главе последней и необычной для него книги, посвященной архитектуре и политике, под названием «Сигнатура власти», он рассуждает о том, как в одних городах доминируют промышленные сооружения, в других – шпили и минареты, а в третьих – глухие фасады современных бюрократических крепостей, и сравнивает индикаторы меняющейся конфигурации власти каждого города⁹. Или его можно представить как-то еще? Скорее всего, его можно было бы назвать создателем «прикладных политических наук» (Policy Sciences). Но и здесь возникают сложности, поскольку некоторые эту сферу его деятельности связывают с политической психологией¹⁰. Двадцать пять книг, несмотря на то что девять (или даже больше) из них созданы в соавторстве, – цифра существенная для любого ученого. И почти все из его работ оказали влияние на становление политической науки (Political Science), ее субдисциплин, включая прикладные политические науки (Policy Sciences). Первая книга Лассуэлла вышла в 1927 году, а последняя, упомянутая «Сигнатура власти», – в 1979 году уже посмертно. Кроме прочего, нужно иметь в

⁹ H. D. Lasswell and M. B. Fox, *The Signature of Power: Buildings, Communication, and Policy* (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1979).

¹⁰ W. Ascher and B. Hirschfelder-Ascher, “Linking Lasswell’s Political Psychology and the Policy Sciences”, *Policy Sciences*, Vol. 37, No. 1 (2004), p. 23–36.

виду, что многие из работ Лассуэлла переиздавались и сопровождались новыми материалами¹¹. Более чем пятьдесят лет публикационной активности сложно отразить в коротком предисловии к конкретному источнику. Поэтому позвольте мне сосредоточиться на книге, которую вы, собственно, держите в руках.

«Изучение политики не даст ни завершенности на все времена, ни счастливой определенности. Но оно может дать некие ориентиры для постоянной переоценки того, где теперь в сообществах проходят подвижные границы спокойной или нервной жизни» – этими словами заканчивается «Политика»¹². Процитированные слова подтверждают, казалось бы, довольно сомнительную, но все-таки актуальность книги. Актуальность текста на первый взгляд может справедливо показаться сомнительной, потому что он вышел в 1936 году. Книга глубоко погружена в исторический и интеллектуальный контексты, а кроме того – в контекст авторской интеллектуальной эволюции (о чем я кратко скажу в конце этого предисловия). И тут ничего не поделаешь. Во многих отношениях «Политика» важна прежде всего как веха в становлении американской политической науки, что уже не мало. Но все же, если к книге отнестись с уважением и вниманием, можно увидеть, насколько она актуальна сегодня. В

¹¹ См.: R. Muth, M. M. Finley, and M. F. Muth, *Harold D. Lasswell: An Annotated Bibliography* (New Haven, CT: New Haven Press, 1989).

¹² Наст. изд., с. 231.

том числе для нас с вами. Можно даже сказать, что она поразительно актуальна.

«Политика» Гарольда Лассуэлла была написана между двумя мировыми войнами. В период, отмеченный тяжелым кризисом западной демократии, экономической депрессией, а также подъемом фашизма и нацизма. 1930-е годы стали временем, когда казалось, что демократия не способна справиться с вызовами, стоявшими перед ней. Сам Лассуэлл отмечал, что, хотя США и не грозит скатиться в «романтический» фашизм, как то было с Италией и Германией, у Америки тем не менее есть все шансы угодить в ловушку «ползучего» фашизма, когда монополистический крупный бизнес и финансовый сектор, преследуя корыстные интересы, манипулировали средним классом. В этом политико-историческом контексте работа Лассуэлла оказалась попыткой создать научную базу для понимания политических процессов, которая была бы свободной от нормативных иллюзий и идеологических предрассудков. Что значат эти красивые слова?

Во-первых, имея в виду бессилие демократии, обнаруженное в 1930-е годы, и усиление ее ужасных альтернатив, Лассуэлл не встал в позицию «адвоката дьявола» и слепого защитника родного для него Запада. Например, он охарактеризовал «европейскую цивилизацию» таким образом: это «...цивилизация местечковости: она взращивает локальные лояльности (как, например, национализм) и обуздывает склонность к утверждению функциональных лояльностей

в качестве средства всеобщего единения. Европейская цивилизация существует в ожидании насилия; войны, революции, сецессии, бунты, бандитские стычки и убийства считаются в ней чем-то само собой разумеющимся. Неважно, порождено насилие или нет, подавляющее большинство с сожалением допускает саму вероятность насилия. Есть другие культуры («примитивные»), в которых все это казалось бы странным. Но сейчас большая часть человечества находится в тисках западноевропейской модели»¹³. С одной стороны, это *оценка*. С другой – что предельно важно – она кое на чем основана. На чем же она основана? На «научном» политическом анализе. И здесь должно начаться «во-вторых», но давайте вернемся к этой теме после того, как кратко раскроем содержание источника.

Что было инновационного в «Политике»? Прежде всего, само понимание политики как «кому достается что, когда и как». Это определение стало хрестоматийным для многих областей политической науки на десятилетия вперед. Правда, оно требует дешифровки. Дуэйн Марвикс так трактует определение Лассуэлла: «„Как“ требует от нас справляться с аспектами власти в любой ситуации; „когда“ предполагает необходимость проследивать результаты во времени; „что“ поднимает вопрос о том, какие ценностные условия ищутся, приобретаются и теряются; а „кто“ ставит задачу выявления элит, то есть тех, кто в любой ситуации имеет боль-

¹³ Наст. изд., с. 230.

ше всего того, что можно получить»¹⁴. Как бы ни трактовать эту фразу, в ней вшиты остальные инновации, которые привнес в политическую науку Лассуэлл. Политика – не про идеалы, но про распределение ценностей и ресурсов в обществе. Хотим мы того или нет, но эти ресурсы всегда достаются немногим (элитам) и никогда многим (массам). Первые – главный актер политического процесса. Лассуэлл называет элитой небольшую группу индивидов, которая присваивает большую часть доступных ценностей – почета, дохода и безопасности. Он подробно анализирует состав элит, их социальное происхождение, психологические характеристики и методы воспроизводства. Текст книги выгодно отличает наличие данных о составе элит в разных странах в начале XX века. На примерах статистики Лассуэлл показывал, что аристократические элиты сокращались, а новые – такие как буржуазия, технократы, военные и т. д. – возрастали.

Каким образом элитам что-то доставалось? Основные инструменты, используемые элитами для достижения и удержания желаемых ресурсов, суть – символы (то есть пропаганда), насилие, экономические ресурсы и организационные практики.

Пропаганду Лассуэлл определяет как технику контроля над установками посредством манипуляции значимыми символами. Анализируя пропаганду, Лассуэлл возвращает-

¹⁴ D. Marvick, “The Work of Harold D. Lasswell: His Approach, Concerns, and Influence”, *Political Behavior*, Vol. 2, No. 3 (1980), p. 219.

ся к накопленному им материалу – техникам, использовавшимся во время Первой мировой войны воюющими державами. Манипуляция символами позволяет элитам формировать общественное мнение, мобилизовать массы и легитимировать свое господство. Лассуэлл подчеркивает важное: эффективность пропаганды зависит не столько от ее содержания, сколько от благоприятного социального контекста – дезорганизованного, атомизированного общества, где индивиды изолированы друг от друга и не видят того, что их связывает.

Насилие – другой инструмент господства. Лассуэлл подробно анализирует роль военных, полиции и других силовых структур в поддержании порядка и подавлении оппозиции. Особое внимание он уделяет исследованию революционных движений, государственных переворотов и гражданских войн как форм насильственного перераспределения власти. Кейсы здесь – русская революция 1917 года, замыкающая схему, начатую в 1789 году, итальянский фашизм и другие радикальные политические трансформации межвоенного периода.

Экономические ресурсы – богатство, контроль над средствами производства, налоговая система – третий метод для приобретения и удержания власти. Лассуэлл дополняет классический экономический анализ Рикардо тем, что замечает: распределение зависит не только от торга, но также от мифа и насилия (от веры и разбоя). Он детально исследует

взаимоотношения между экономическими и политическими элитами, показывая, как экономическая мощь конвертируется в политическое влияние и наоборот. Важно отметить, что Лассуэлл с большим почтением относился к марксизму. Но не как к политическому проекту (здесь он был довольно критичен), а к его аналитической составляющей. Лассуэлл говорит про марксизм в этом значении как про «важнейший политический анализ нашего времени», но замечает, что он отвлек внимание ученых от других продуктивных способов понимания социальной жизни. Этот недостаток марксизма автор восполняет.

Наконец, организационные практики включают институциональные механизмы, через которые осуществляется власть: бюрократию, политические партии, профессиональные ассоциации. Лассуэлл показывает, что организация является ключевым фактором успеха элит в их соперничестве с массами, поскольку организованное меньшинство всегда имеет преимущество перед неорганизованным большинством.

Что ж, вернемся к «во-вторых». Идут 1930-е годы. Американская политическая *наука* только делает свои первые уверенные шаги. Чарльз Мерриам, первый трубадур научного подхода к политике, уже взрастил в Чикаго целую плеяду ученых, которые должны были нести факел «научности» политического знания дальше, эффективнее и быстрее. Среди учеников Мерриама – Гарольд Дуайт Лассуэлл. Как отмеча-

ет исследовательница Сушила Рамасвами, «Лассуэлл пытается создать научную политическую теорию, конечная цель которой – контролировать поведение людей, продвигая цели и направления, заданные Мерриамом. В отличие от классической традиции, научная политическая теория описывает, а не предписывает»¹⁵. В ранних работах Лассуэлл писал, что носители науки должны были раскрыть реалии, лежащие в основе идеологий и стремления к власти, и обеспечить основу для «превентивной политики» посредством социальной манипуляции и планирования, но в целях демократии. Тогда Лассуэлл определил политический анализ как «изучение изменений в системе ценностей общества». Его целью было найти концептуальную основу для этого начинания¹⁶.

Ясно было одно: для Лассуэлла теория была просто «изобретением абстрактных концепций», поэтому он отчаянно пытался найти такие инструменты, которые могли бы подтвердить по-настоящему научный характер его исследований. Собственно говоря, эта установка привела к первому основанию книги: это был эмпирический подход. Лассуэлл делал акцент на анализе данных и старался избегать спекулятивных философских размышлений. Вторым основанием исследования стала его «теория» элит: аналитическая рамка

¹⁵ S. Ramaswamy, *Political Theory: Ideas and Concepts* (Delhi: PHI Learning Private Limited, 2014), p. 74.

¹⁶ J. G. Gunnell, “Paradoxos Theoretikos”, in: Kristen Renwick Monroe (ed.), *Contemporary Empirical Political Theory*, (Berkeley: University of California Press, 1997), p. 56.

для изучения распределения ресурсов в обществе. Наконец, третий элемент – это «психоаналитическая теория»: Лассуэлл стремился все дальше интегрировать фрейдистский анализ в политическую науку для объяснения психологических мотиваций политических действий. Психоанализ в формирующуюся политическую науку Лассуэлл начал интегрировать еще в работе «Психопатология и политика» (1930)¹⁷, но теперь продолжил развивать свой проект. Здесь Лассуэлл, помимо прочего, разработал типологию подтипов внутри личности политика – агитаторов, администраторов и т. д. – и показал, как психологическая структура личности определяет подтип политика (агитатор жаден до почета, поэтому он культивирует компетенции оратора и полемического журналиста; энергия организатора направлена на координирование человеческой деятельности и проч.).

Давайте согласимся, что основания *научного* анализа выглядят не слишком научно. Помимо всего прочего, Лассуэлл не гнушается резкими оценками обсуждаемого эмпирического материала. А психоанализ... В ранних работах Лассуэлл не обращался к метатеоретическим вопросам, но две вещи в инструментальном подходе к науке для него были важны принципиально – когнитивное описание теории и терапевтическая социальная наука, которая должна была понять и лечить политические патологии. Как пишет Джон Ганнелл:

¹⁷ H. D. Lasswell, *Psychopathology and Politics* (Chicago: University of Chicago Press, 1930).

«Начиная с Либера и заканчивая, по крайней мере, Гарольдом Лассуэллом, политика понималась как нечто по своей сути „патологическое“ (термин, который они оба использовали), а целью политической науки считалась терапевтическая деятельность, нечто, способное рационализировать и развеять фантазии и чрезмерный энтузиазм политической жизни»¹⁸. Считать политику патологией не слишком научно? Возможно. Но я бы советовал вам обратиться, например, к книге «Власть. Новый социальный анализ» Бертрана Рассела¹⁹. Текст Рассела увидел свет в 1938 году, то есть через два года после публикации книги Лассуэлла. Рассел готовился к тому, что публикацией книги перевернет все социальное знание и станет королем социальных наук. К его вящему удивлению и пущему расстройству он не достиг желаемых целей. Дело, конечно, не в том, что книга Лассуэлла появилась на два года раньше и на годы аннулировала все, что только можно было сказать про власть. Дело в том, что книги в области социальных наук в 1930-е годы следовало писать так, как делал Лассуэлл, а не Рассел. В сравнении с текстом Рассела работа Лассуэлла представляет собой образец научной строгости и честного исследовательского подхода к проблеме.

И все же. Если эмпирический анализ Лассуэлла грешит

¹⁸ Gunnell, “Paradoxos Theoretikos”, p. 48–49.

¹⁹ Б. Рассел, *Власть: новый социальный анализ* (Москва: Издательство Института Гайдара, 2024).

оценками, а психоанализ сегодня мы вряд ли можем назвать лучшим теоретическим инструментом для научного политического анализа, то что остается? Остаются элиты. В том, что в 1936 году в элитах Лассуэлл видел основного политического игрока, было много прозорливости. Однако Лассуэлл был прозорливым еще больше, чем нам кажется. Так, к 1940 году он отказался от «элитизма» (к слову, в 1930-х элитизм был довольно горячей академической темой: за год до выхода «Политики» был опубликован английский перевод книги Вильфредо Парето, что оказало влияние на социальные науки²⁰) и сместил главный теоретический фокус. «Элитистский период» в творчестве Лассуэлла пришелся на период с 1934 по 1940 год. В 1950 году восходящая на тот момент звезда нового поколения политической науки Дэвид Истон назвал две важные фазы научной эволюции Гарольда Лассуэлла: «элитарная аморальная фаза», начавшаяся с работы «Мировая политика и личная незащищенность» в 1935 году²¹ и «децизионистская моральная фаза», начавшаяся с работы «Демократия через общественное мнение»²². В тот момент, когда демократия вновь становилась главной ценностью западного мира вообще и политической науки в част-

²⁰ V. Pareto, *The Mind and Society* (New York: Harcourt, Brace and Company, 1935).

²¹ H. D. Lasswell, *World Politics and Personal Insecurity* (New York: McGraw-Hill Book Company, Inc., 1935).

²² H. D. Lasswell, *Democracy Through Public Opinion* (Menasha, Wisconsin: George Banta Publishing Company, 1941).

ности, Лассуэлл сделал резкий поворот в своих установках, забыв про циничный реализм и обратившись к демократическим идеалам. Статья Истона показательно и громко называлась «Гарольд Лассуэлл; прикладной политолог для демократического общества»²³.

Истон так связал два плохо стыкующихся между собой даже не столько периода творчества, сколько два разных теоретических аппарата ученого: «Тот факт, что здесь [в работах с 1940 года. – А. П.] Лассуэлл фундаментально изменил свой концептуальный подход, не означает, что выводы его более ранних исследований в отношении элиты больше недействительны. Эти выводы просто требуют переработки, чтобы соответствовать новому набору инструментов. Вместо того чтобы сейчас говорить о характеристиках, составе или методах элиты, Лассуэлл может просто рассуждать о характеристиках и инструментах власти в руках лиц, принимающих решения. Понимаются ли лица, принимающие решения, узко, как бюрократы, или же после 1941 года лица, принимающие решения, определяются в широком смысле как эффективно действующие массы, которые имеют больше власти, – это чисто фактический вопрос <...> Но постепенное исключение этого термина из его терминологии, по-видимому, указывает, по крайней мере, на подсознательное ощущение того, что при столь широком толковании этот тер-

²³ D. Easton, "Harold Lasswell; Policy Scientist for a Democratic Society", in *The Journal of Politics*, Vol. 12, No. 3 (1950).

мин начинает терять свою аналитическую полезность и может даже привести, из-за своих традиционных ассоциаций и предположений, к путанице и недопониманию»²⁴.

Оказалось, что от элитизма до демократии один шаг. Вероятно, элитистские концепции демократии – не только Лассуэлла, но, например, и Йозефа Шумпетера – в реальности сохраняют свою эвристическую полезность. Но книга Лассуэлла актуальна и тем, что, казалось бы, должно нас смущать – многочисленными оценками, в ней содержащимися. Достаточно знать, что психоанализ – дань интеллектуальной моде, чтобы получить удовольствие от чтения «Политики», имея в виду пассажи, которые бы в других обстоятельствах могли нас разозлить или удивиться. И, конечно, нам нужно иметь в виду полезность «элитистского» анализа. Размышления Лассуэлла о пропаганде, не важно, в чьих руках она находится, опять же актуальны как никогда.

На самом деле нам не так важно, насколько верна или правдива связь книги «Политика: кому достается что, когда и как» и последующего творчества Гарольда Лассуэлла – связь, на которую указал Дэвид Истон. Нам важнее другое. Во-первых, при всех недостатках «Политика» остается важнейшей вехой в развитии политической науки. Во-вторых, если даже в ней не были заложены семена науки о принятии решений – а Истон считает, что были, – Лассуэлл в последующем внес еще более существенный вклад в поли-

²⁴ Easton, "Harold Lasswell", p. 475.

тическую науку, придумав прикладные политические науки (policy sciences), которые предполагали основу для теории политического процесса и принятия решений. Эти науки могли служить демократии, предоставляя лицам, принимающим решения, комплексные, надежные знания для разрешения социальных проблем. Но, как мы могли заметить, даже этим значение наследия Лассуэлла для социальных наук не ограничивается.

Александр Павлов, д. филос. н., руководитель Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; руководитель сектора социальной философии Института философии РАН

От переводчика

Название работы Гарольда Лассуэлла «Политика: кому достается что, когда и как» звучит так, будто это руководство пользователя: если и есть вопрос, то ответ не составляет никакой интриги, надо всего лишь изложить его с максимальной доходчивостью.

Политика, по Лассуэлли, есть пространство, где разворачивается игра отношений влияния. Игроки подчинены простому закону: имеющему дастся, а у неимеющего отнимется. «Кто» этой игры – элита. На элиту, облизываясь или оскаливаясь, смотрит контрэлита, а массы являются фоном либо объектом приложения сил. Влияние как приз лучшего игрока несводимо к власти, тем паче власти формальной (хотя бы потому, что власть так или иначе предполагает принуждение и насилие, а обрести влияние можно и крепким добрым словом, не обязательно револьвером).

Рассуждая о политическом, Лассуэлл не касается напрямую тем институтов, процедур, партий, государства. Есть вещи, так сказать, пореальнее – в том смысле, что, оценивая динамику влияния, требуется учитывать более тонкие различия, чем предполагала прежняя политическая наука. Лассуэлла также не интересуют аспекты должного и предпочтительного, его задача – констатировать условия, в которых и благодаря которым приобретаетс и изменяется влияние, в

которых и благодаря которым элиты становятся тем, чем они становятся (чтобы на русском это отмежевание Лассуэлла считывалось четче, *conditions* оригинала я развернул до «реальных условий»). Поэтому, когда в связи с элитами Лассуэлл заговаривает о ценностях, надо понимать, что в сфере политики ценности – это вовсе не мораль, отжатая досуха, не благие пожелания, не идеал. Если играть словами, то в ценностях (*values*) гораздо больше от добавленной стоимости (*value added*), чем от чисто идеологических абстракций.

Ценности не то, что «исповедуют», ценности – это то, что «имеют». Ими обладают, как обладают чем-то вещественным, золотом. Такова, если угодно, аксиоматика Лассуэлла. В анализе Лассуэлла ценности – это фактор силы, относительный показатель и мера влияния. Чем выше доля ценностей в руках элиты, тем крепче ее влияние. Массы в орбите ценностей втянуты уже тем одним, что являются объектом манипулирования со стороны элит. Пусть массы и светят отраженным светом, но в процессе, условно говоря, обмена ценностей на влияние восприимчивость масс имеет значение, ведь, в конце концов, именно массы поставляют элите столь нужные ей «кровь, труд, налоги, орации».

Список ценностей открыт и вариативен, но в «Политике» Лассуэлл останавливается на трех: почет, доход и безопасность. Если элита имеет авторитет, пользуется уважением, если служить ей считается почетным, массы взамен на свою лояльность получают возможность нести на себе от-

блеск этой славы. Если элита аккумулирует у себя богатства, это так или иначе отражается на ее безопасности: например, благоденственному, тихому и мирному житию элит может угрожать падение уровня жизни масс и исчезновение уверенности в завтрашнем дне (в этих контекстах Лассуэлл использует слово *insecurity*; я перевожу его в основном как «чувство незащищенности», но в иных местах поставил бы такие варианты, как «дискомфорт» или даже «нервозность»). С другой стороны, экспорт небезопасности во внешний контур может поправить дело с доходами (когда можно провоцировать кризисы подальше от себя и торговать оружием) и помочь с безопасностью внутри (ведь ради мировой революции можно и потерпеть).

Понятно, что между ценностями есть своя диалектика, складываются свои взаимосвязи, но эта диалектика и эти взаимосвязи актуализируются только в реальной игре, когда элиты, применяя в конкретной обстановке конкретные методы воздействия на окружение, на массы, стремятся к влиянию, атакуют сами и отбиваются от нападения конкурентов. У элит припасены свои кнуты и свои пряники (пропаганда, насилие, маневрирование материальными благами), но даже при наличии ресурсов и средств ничего нельзя гарантировать. Что работало в один момент, в другой начинает давать сбой. Например, даже либеральной рыночной системе иной раз не помешало бы административное вмешательство, чтобы избежать кризиса, как в Америке конца 1920-х годов (в

главе о материальных благах, где Лассуэлл касается этой темы, термин *claims* я перевожу как «права требования»; это можно считать обобщенным понятием, подразумевающим право на получение чего-либо, а зримым воплощением этого права являются денежные единицы, ценные бумаги, прочие финансовые инструменты).

Когда что-то идет не так, элиты ради поддержания политического гомеостаза могут прибегать к имитационным политическим техникам, разнообразие которых Лассуэлл сводит к «катарсису» (срежиссированная эмоциональная разрядка для масс) и «адаптивной перенастройке» (именно так я перевожу Лассуэлловский термин *readjustment*, означающий практику, когда элита, консервативно хранящая свои традиции управления, не желает, чтобы эта консервативность раздражающе бросалась в глаза, а потому имитирует прогрессивные подвижки, конъюнктурно меняя стилистику управления, не меняя при этом сути отношений влияния, что можно было бы уподобить обновлению декораций при неизменности репертуара – для маскировки этой неизменности).

Чтобы составить полноценный и реалистичный портрет элит, Лассуэлл предлагает посмотреть на тех, кто добился успеха, чьи способы и средства борьбы за обладание ценностями оказались самыми результативными, сквозь призму компетентностных, классовых, личностных и мироотношенческих характеристик. Подобный комплексный взгляд при-

зван компенсировать ограниченность исключительно классового или психологического анализа.

Так, классовый подход утверждает, что между представителями одного класса разных наций близость больше, чем между представителями разных классов внутри одной нации. Однако, помимо классовых зависимостей, есть *attitude*, «установка», то есть базовое и генеральное, не обязательно отрефлексированное, отношение к действительности, к миру, обуславливающее восприятие процессов и событий, а соответственно, можно выделить и *attitude groups* (это словосочетание – за неимением лучшей альтернативы – я перевожу как «мироотношенческие группы»). Такими установками, например, могут быть патриотизм или «местечковость» (Лассуэлл употребляет здесь слово *parochialism*, что можно соотнести с установкой национальной исключительности, своего рода изоляционизмом; что касается перевода, я опять же не нашел ничего лучшего, чем воспользоваться вариантом «местечковость», хотя по-русски это, может быть, звучит слишком узко).

Компетентностные характеристики, в отличие от классовых, определяются не имущественными отношениями, а тем, кто что «умеет». Компетенция не передается из поколения в поколение, как титул или родовая собственность, компетенция требует обучения, что составляет ее специфику. В зависимости от исторических обстоятельств путь наверх открывается то для обладателя воинской компетенции, то для

специалиста по культовым церемониям, то для умельца вести торг, торгаша (*bargainer*).

Политическая наука вряд ли способна однозначно предсказать, кто будет победителем на очередном витке истории, но в постоянно меняющихся условиях она может дать ориентиры, чтобы понять, что для кого-то конец спокойной жизни уже гораздо ближе, чем казалось еще недавно.

* * *

«Политика» Лассуэлла уже переводилась на русский язык. В частности, есть перевод Владимира Николаева, опубликованный в 2023 году в инионовском сборнике переводов «Чикагская школа политической мысли».

Кто-то из переводчиков (то ли Бибихин, то ли Палажченко) приводил мнение, что любой перевод, даже не вполне удовлетворительный, хорош уже тем, что он есть. Перевод Николаева, безусловно, есть, и это его первейшее достоинство. Впрочем, у него есть еще один несомненный плюс: он лишний раз напоминает, что бывает, когда переводчик стремится поскорее осчастливить то ли издателя, то ли читателя и оставляет позади вопросы логичности, связности и удобочитаемости выходящего из-под его руки текста (а разочарование читателя – это, разумеется, проблемы читателя).

Итак, приняв этот пас, я предлагаю настоящий перевод.

Максим Дондуковский

Предисловие

Истолкование политики, представленное в этой книге, лежит в основании рабочей установки практикующих политиков. Одной из компетенций политика является умение просчитать вероятные изменения влияния, а также изменения, затрагивающие тех, кто обладает влиянием.

Для всех знатоков социального развития это понимание политики не ново. И все же ему постоянно грозит опасность утраты остроты. Даже сегодня нет емкой англоязычной книги, излагающей эту точку зрения для студента, преподавателя, ученого, гражданина и политика и рассматривающей ее связь с ходом времени.

Отсутствие своевременных напоминаний об этой фундаментальной точке зрения порождает определенные практические и теоретические последствия. Ожидаемо, что практикующие политики, увязнув в сиюминутном, теряют из виду отдаленное. Не вызывает удивления, что систематики, свободные от безотлагательной и непреодолимой необходимости, часто становятся педантами в пустяках.

Когда к влиянию стремятся при помощи новых средств или в изменившихся условиях, понятия для изучения влияния должны меняться или придумываться заново. В эпохи стремительного развития нужна переоценка адекватности интеллектуальных усилий. В наше время едва ли не каж-

дый убежден в необходимости иметь ориентиры. Обществу, недавно предавшемуся планированию, могут потребоваться (по утверждению Карла Маннгейма) новые стили мышления.

В мире за пределами Советского Союза царствует дух критического недовольства. По хорошо построенным дорогам интеллектуальных достижений ездят с неохотой, не из-за протеста против инженерных решений, а в силу скептического отношения к исходной и конечной точке. Немалая часть работ по сравнительному исследованию государственного правления, права и государственного администрирования посвящена таксономии институциональной практики, причем в них мало места уделяется живым формам, которым эта практика помогает или вредит. В литературе политического квиетизма меркнет резкий свет политического анализа.

Перемены интеллектуальной погоды не прошли бесследно для британской, австрийской и американской экономических наук. Классическую экономику, если верить Рикардо, волновал вопрос распределения богатства, одного из главнейших средств влияния. Были тщательно описаны условия распределения богатства при свободной конкуренции. Классический анализ не особо интересовался распределением при иных условиях. Современные события недвусмысленно напомнили нам, что распределение зависит не только от ведения торга, но и от мифа и насилия (от веры и разбоя).

В этой книге нет ничего, кроме констатации указанной точки зрения и иллюстрирующих ее примеров. Связь между тем, что написано здесь, и тем, что было написано в других работах, в определенной мере показана в библиографических примечаниях к отдельным главам, данных в конце книги. Специалисты сумеют отличить оригинальные работы от многочисленного корпуса вторичных материалов. Те, кто примет предложенную здесь систему координат, получат единые стандарты, направляющие будущие интеллектуальные усилия.

Из различных аспектов этого анализа вытекают многие практические следствия. Во многих отношениях мои выводы совпадают с оценками, данными в заключительных главах книги «Обетование американской политики» профессора и сенатора штата Т. В. Смита, моего друга, коллеги и представителя. И это радует меня больше всего – как друга, коллегу и избирателя.

Цитата из книги «Опыт автобиографии», опубликованной издательством Macmillan, приведена с любезного разрешения Г. Дж. Уэллса. Реплики из пьесы Юджина О’Нила «Траур – участь Электры» использованы благодаря издательству Random House.

Г. Д. Л.

Чикаго, Иллинойс

Июнь 1936 года

Часть I. Элита

Глава 1. Элита

Изучение политики – это изучение влияния, а также тех, кто обладает влиянием. Наука о политике говорит о реальных условиях, философия же политики оправдывает то, что считается предпочтительным. В этой книге, ограниченной рамками политического анализа, нет деклараций предпочтительного. В ней констатируются реальные условия.

Обладающие влиянием – это те, кому достается больше всего из того, что можно получить. Наличные ценности можно классифицировать следующим образом: *почет, доход, безопасность*. Те, кому достается больше всего, – это *элита*; прочие же – *масса*.

В формальной иерархии распределение почета относительно ясно. На вершине пирамиды Римско-католической церкви находится сравнительно немного руководящих лиц. Это один Папа, 55 кардиналов, 22 апостольских делегата, 256 апостольских викариев, 245 архиепископов, 1578 епископов. В Коммунистической партии Советского Союза предельной инстанцией является политбюро, состоящее из девяти или десяти членов. Более свободная структура государственного управления в Соединенных Штатах тем не менее

наделяет особым влиянием Верховный суд из девяти членов, президента и конгресс, в котором несколько сотен человек. Хотя в Соединенных Штатах о любом ярком и языкастом парне можно сказать, что однажды он, возможно, станет президентом, в последнем поколении таких было лишь восемь человек. Мощный американский сенат, хоть он и сравнительно велик, вместил бы только 480 сенаторов, если бы никто не переизбирался в каждом поколении. У пирамид почета крутые грани – и по форме, и на деле.

Распределение безопасности обычно менее несправедливо, чем распределение почета, и зачастую между ними может существовать обратная зависимость. Так, одно из исследований показало, что из 423 монархов разных стран и разных периодов 31,9 % умерли от насилия. Сорок процентов президентов Республики Боливия умерли насильственной смертью. Подобные цифры позволяют приблизительно оценить перспективу, если вспомнить, что в 1921 году в Соединенных Штатах смерти от насилия (включая самоубийства) составляли 7,2 % от общего числа смертей; от насилия погибло 12,1 % президентов Соединенных Штатов и Франции и 9 % католических пап. Относительная безопасность всего населения варьируется в зависимости от эпохи. Из каждой тысячи французов, умерших в XVII веке, пятеро были убиты или ранены в бою. В XVIII веке это число возросло до двенадцати, в XIX – до тринадцати, а в XX – до четырнадцати.

В странах западноевропейской цивилизации богатство и

доходы распределяются неравно. В 1928 году, который был годом большой деловой и спекулятивной активности, национальный доход Соединенных Штатов составлял 541 доллар на душу населения, что в два с половиной раза превышало такие же показатели во Франции или Германии (доллар приведен к покупательной способности 1913 года). В 1913 году, прямо перед мировой войной, в Соединенных Штатах этот показатель равнялся 368 долларам на душу населения. За этот период Соединенные Штаты продемонстрировали наибольший абсолютный рост среди крупных держав, но самый резкий относительный прогресс совершила Япония, ее доход на душу населения вырос с 22 долларов в 1913 году до 53 долларов в 1925 году. Великобритания, следующая за Соединенными Штатами по абсолютным показателям, имела 250 долларов в 1911 году и 293 доллара в 1928 году. Россия поднялась с 52 долларов в 1914 году до 96 долларов в 1928 году, что было больше относительного прироста Франции или Германии. Италия опустилась с 108 долларов в 1914 году до 96 долларов в 1928 году.

В тех или иных сообществах есть резкие различия в пропорциональном распределении доходов. В 1918–1926 годах 10 % населения Соединенных Штатов получали одну треть денежного дохода страны.

Только что названные ценности почета, безопасности и дохода являются ценностями репрезентативными, а не эксклюзивными. Политический анализ мог бы воспользоваться

другим сочетанием, и результаты сравнения элит были бы другими. Выводы политического анализа также различаются, когда акценты ставятся на разных элементах влияния. В одной из форм анализа деление ценностей рассматривается через *компетенцию*.

Компетенция воина – это, несомненно, один из наиболее прямых способов возвышения, ведется ли борьба во имя Бога, нации или класса. Мустафа Кемаль-паша в 1911 году участвовал в Итало-турецкой войне, а в 1915 году командовал северной частью турецкой армии в Галлиполи и воевал в других сражениях. Муссолини и Гитлер свое боевое крещение получили на мировой войне. Несколько человек, стоявших у руля Советского Союза, пробили себе путь при помощи насилия – главным образом незаконного, а не законного. Иосиф Сталин впервые был арестован властями в 1901 году, после чего он скрывался, участвовал в революционном движении и все время подвергался риску. Юзеф Пилсудский, бывший диктатор Польши, сосланный в 1888 году в Сибирь за связь с польским национальным движением, в 1892 году вступил в социалистическую партию и организовал тайные военизированные отряды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.